

ИНВАЛИДЫ.

I.

Кавказское захолустье.—Вѣсти о взрывѣ русскихъ броненосцевъ.—Кондратій Ивановичъ и Тарасъ Петровичъ съ супругой.—Семейная жизнь Копьева.

Ваннимъ утромъ холодный вѣтеръ съ визгомъ носился по улицамъ южнаго малоизвѣстнаго городка Кутана. Пыль, смѣшанная со снѣжной крупой, клубами поднималась и слѣпила глаза рѣдкимъ прохожимъ. Голыя, тощія деревья въ полисадникахъ безсильно трепались, стараясь своими тонкими вѣтками, точно длинными пальцами, закрыть убогіе домики съ маленькими окнами, заржавленными крышами и облупленными, съ осыпанной штукатуркой стѣнами.

По Вельяминовскому проспекту быстро шель высокаго роста старикъ съ сѣдой бородкой, въ формѣ отставнаго подполковника съ георгіевской ленточкой въ петличкѣ на чистенькомъ, но довольно потертомъ пальто. Кондратій Ивановичъ Копьевъ, такъ звали его, подойдя къ затѣйливой, узорчатой зеленой калиткѣ, хотѣлъ было войти, но она была заперта. Потянувъ нѣсколько разъ за ручку звонка, онъ махнулъ рукой и двинулся въ обходъ по переулку, куда выходили ворота. На заднемъ крыльцѣ бѣлаго флигеля, прятавшагося въ глубинѣ довольно большого сада, онъ встрѣтилъ высокую красивую женщину, закутанную въ теплый платокъ.

— Ахъ, чтобъ васъ! Напугали. Чуть было кувшинъ со слив-

ками не уронила. Да, что вы, Кондратій Ивановичъ, сегодня такой сердитый?..

И симпатичное лицо хозяйки освѣтилось доброй — доброй улыбкой.

— Несчастье! Большое несчастье стряслось, Марія Николаевна.

— Что случилось? Господи! Да говорите же.

— Пойдемте вотъ въ комнату къ Тарасу, тамъ объясню все. Несчастье.

— Царица Небесная, что же такое? Пожалуйте въ комнаты.

Они ошущью пошли по узенькому темному коридорчику къ Тарасу Петровичу Насыпайко.

Въ низенькой, длинной, начисто выбѣленной мѣломъ комнатѣ было свѣтло и уютно. Здѣсь хозяева собрали всѣ свои богатства: охотничьи ружья, ягдташи, кавказскія шашки и кинжалы, нѣсколько шемахинскихъ красивыхъ рисунковъ ковровъ, пьянино. На окнахъ тѣснились цвѣты, два громадныхъ фикуса верхушками упирались въ потолокъ и, не находя выхода, пошли уже, по словамъ Насыпайко, въ сукъ, перекинули вѣтки черезъ всю комнату. Картины, фотографическія группы, этажерочки съ статуэтками сплошь унизывали стѣны. Въ углу, въ рѣзномъ деревянномъ кюветѣ виднѣлся образъ колѣнопреклоненнаго Спасителя съ чашей. Теплилась лампада.

Въ слѣдующей маленькой комнаткѣ, передъ небольшимъ самодѣльнымъ мольбертомъ, сидѣлъ въ офицерской фуражкѣ съ потемнѣвшимъ бѣлымъ околышемъ Тарасъ Петровичъ Насыпайко и копировалъ икону св. Пантелеймона-Цѣлителя. Сѣдые, длинные хохлацкіе усы свѣшивались на грудь, придавая всей фигурѣ особый отпечатокъ чего-то задорнаго и удалого. Онъ гордился прошлымъ своихъ запорожскихъ предковъ и родился на Кавказѣ, но въ Малороссіи никогда не бывалъ. Любилъ ввернуть въ рѣчь малороссійское словечко, хотя произносилъ по коцапски, по словамъ Маріи Николаевны, полтавской уроженки.

Старикъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ водилъ кистью, пристально вглядываясь въ суздальскій оригиналъ.

— Тарасъ Петровичъ! Да ты хоть людей бы постѣснялся. Вѣдь ты какъ былъ въ постели, такъ въ бѣльѣ и принялся малевать... Вотъ безстыдникъ! Повѣрите ли, Кондратій Ивановичъ, не вымоется, лба не перекрестить, прости Господи, а ужъ малюетъ, или пилить, или строгаеть. Это староста-то церковный... Ласково укоряла Марія Николаевна.

— Богъ труды любить, а не поклоны. А что до костюма, такъ я же въ фуражкѣ. Прикрылъ лысину и годи...

— Несчастье стряслось. Вотъ читай телеграму. И подполковникъ вытащилъ изъ-за обшлага рукава акуратно сложенный печатный листокъ. Петръ прибѣжалъ изъ своей пароходной конторы, принесъ. На-те. говорить, читайте. Вѣдь на что либераль, а и на немъ лица не было,—значить проняло.

— Неужели опять убили?!... Пугливо спросилъ Тарасъ Петровичъ и снялъ фуражку.

— Да вотъ читай самъ.

То была телеграмма о внезапномъ нападеніи японцевъ на нашъ флотъ въ Портъ-Артурскомъ рейдѣ. Тарасъ Петровичъ читалъ вслухъ. При первыхъ же словахъ онъ вскочилъ, бросилъ фуражку на полъ и сталъ честить японцевъ всевозможными, допустимыми, по его мнѣнію, въ присутствіи дамы оскорбительными прозвищами.

Марья Николаевна безпомощно опустилась на стулъ, перекрестилась,—тихо промолвила:

— Слава тебѣ Господи, что нашъ Николай въ сухопутной артилеріи.

— А! Каковы разбойники! Сколько судовъ покалѣчили.

Петя говорить, началъ было подполковникъ.

— Ну, да знаетъ чорта лысаго твой Петя... Это вѣдь не купеческіе пароходы, а броненосцы. Понимаешь ли, махинища! весь нашъ городъ садись... Вотъ каналы японцы!

— Что же? Какъ теперь дальше будетъ?

— Дальше? Ну, конечно, взгрѣмъ косоглазыхъ. Получать по самое, по двадцатое... Да вотъ, видишь, тутъ же написано: самъ намѣстникъ поднялъ флагъ и пошелъ въ догонку за японцами. Тѣ, конечно, навтикача. Небось струсили. Молодчина адмиралъ! Задастъ имъ онъ трепку. Шваркнетъ такъ, что будутъ помнить...

— Петя говорить, будто адмиралъ...

Снова хотѣлъ сообщить какія-то свѣдѣнія подполковникъ.

— Да вѣдь онъ, твой Петя, сухопутныхъ адмираловъ только и видѣлъ. А этоть, братецъ ты мой, морской волкъ. Понимаешь?

— Почѣму же это наши допустили къ себѣ японцевъ? Замѣтила Марья Николаевна.

— Почему?... Я тамъ не былъ, а былъ бы, укараулилъ. Мы бы съ Копей Ивановичемъ ихъ въ шалашъ какъ дудаковъ подсадилъ бы... Правда? Глаза старика обратились въ щелочки, усы приподнялись, свѣжее лицо расплылось въ широкую улыбку. Эхъ, гдѣ

наше не пропадало!... Ничего, еще на нашей улицѣ праздникъ будетъ.

— Вы бы съ нами кофю выпили Кондратій Ивановичъ, предложила хозяйка.

— Ты намъ, Марья Николаевна, икорки немного дай. Нѣтъ! юфъ! Причмокнуть по персидски Насыпайко. Икра, братъ, мое почтеніе. Миѣ, спасибо ему, рыбникъ Акинфій съ ватаги въ пепкешъ прислалъ. И еще, знаешь, налей намъ изъ зеленой пляшечки по рюмочкѣ звѣробою. И Тарасъ Петровичъ потеръ руки.

— Ахъ, старый лакомка, подговаривается, знаетъ вѣдь, что Кондратій Ивановичъ въ гостяхъ ничего не ѣстъ, а водки никогда не пьетъ.

— Точно такъ. Только для одной компаніи разрѣшаю себѣ въ гостяхъ чай, да кофій. Да вѣдь кромѣ васъ нигдѣ почти не бываю.

— Ладно—ужъ ладно, знаемъ. Высохнешь скоро, въ мумію превратишься отъ воздержанія и скупости. Представь себѣ, Марья Николаевна, нашъ Копей Ивановичъ, опять вложилъ въ банкъ пятьсотъ рублей. Какъ годъ кончается, такъ новая пятисотенная рента и готова, и готова. Банкъ сорветъ скоро. Право. Ну, зачѣмъ тебѣ деньги? Эхъ!

— Мое дѣло. Себѣ я не отказываю ни въ чемъ.

— Не отказываешь! Да вѣдь ты и отъ икры-то сейчасъ отворачиваешься оттого, чтобы потомъ самому не угдцать.

— Тарасъ Петровичъ! Видитъ человѣку непріятно, а онъ все свое. Укоризненно замотала головой Марья Николаевна. }

— Ну, неужели на меня станетъ обижаться. Слава Богу, скоро полувѣковой пріятельскій юбилей будемъ справлять. Помнишь, какъ въ Чечню ходили? Розовенькій тогда юнкеришка былъ, мо-локо на губахъ не обсохло. Вмѣстѣ подъ одной буркой спали.

Строгое выраженіе исчезло съ лица Копьева. Старикъ махнулъ рукой привычнымъ жестомъ, какъ-бы желая сказать—далеко прош-лое ушло.

— Развѣ на него кто-нибудь можетъ сердиться? Извѣстно—Насыпайко. Всѣмъ, говорятъ, высыпаетъ, а никому зла не желаетъ. Я вотъ съ тобой Тарасъ о дѣлѣ пришелъ посоветоваться. Да вы, Марія Николаевна, сидите, для васъ секрета нѣтъ. Но, слышь, Тарасъ, никому не передавай.

— Ну, безъ подходцевъ, говори въ чемъ дѣло.

— Это я, знаете, не сегодня подумалъ... А, какъ значитъ, стали поговаривать о войнѣ, стали вызывать изъ полковъ офицеровъ на Востокъ...

— Ну. И ты тоже?

— А будто я ужъ такая рухлядь?.. Ни хуже, ни лучше другихъ. Не беспокойся, не подгажу.

— Богъ съ вами! Заволновалась Марія Николаевна. Пусть себѣ молодые воюють. Вы, слава Богу, вмѣстѣ съ Тарасомъ повоевали въ волю. У васъ вотъ и Георгій, и рана въ плечѣ, а у мужа двѣ пули въ ногѣ.

— Аника воинъ. Нѣтъ, неужели и вправду собираешься опять на службу? Что же безъ насъ съ тобою народа что ли нѣтъ?

— Понимаешь ты, сердце заняло, какъ услышалъ про сборы на войну. Всю жизнь, знаешь, провелъ въ строю, ротой-то брать битыхъ двадцать пять лѣтъ прокомандоваль... А сегодня, какъ услышалъ про японское нападеніе, такъ и не могу, и не могу... Давай, думаю, побѣгу къ Тарасу, потолкую и посоветуюсь на счетъ опредѣленія на службу.

— Не примуть. Ты же уволенъ по предѣльному, что ли тамъ, какъ это теперь называется, возрасту; да съ тѣхъ поръ уже добрыхъ семь, восемь лѣтъ прошло. Не моложе сталъ.

— Я не подгажу. А насчетъ лѣтъ, такъ теперь кто имѣетъ офицерскаго Георгія, тѣмъ, братъ, особый почетъ. Вотъ, Складскій, лѣтъ на пять, на шесть, всего моложе насъ съ тобою, тоже тянулъ, тянулъ капитанскую ляжку, а тутъ подошли на его счастье новыя георгіевскія правила. Теперь полкомъ командуетъ. Ей Богу правда.

— Такъ тебѣ тоже захотѣлось командовать?

— Не объ этомъ я думаю. Просто сидѣть смирно не могу.

— А пріятно будетъ получить носъ изъ штаба? Осрамить вѣдь отказомъ.

— Ты думаешь. Тревожно спросилъ подполковникъ.

— Не думаю? умная голова, а увѣренъ. Посмотрите, скажутъ въ зеркало. Сколько вамъ лѣтъ? А гдѣ получили образование? Что же отвѣтишь? У дьячка въ деревнѣ первоначальное, а въ горахъ, на правомъ флангѣ, окончательное. Тактическія задачи, спросятъ умѣешь рѣшать? Планы чертить умѣете?..

— Мы съ нимъ экзамень не трудный держали, обратился старикъ къ женѣ. Пришлось идти въ Ставрополь за триста верстъ пѣшедромомъ, за плечами ранца съ полной походной укладкой. По дорогѣ въ станицахъ, слава Богу, вездѣ насъ принимали ласково. Явились въ штабъ, отрапортовали. У обоихъ у насъ на груди медали за походы, георгіи солдатскіе съ бантами. Повернули насъ

это сейчас направо, налево, ну, сдѣлали ружейные приемы, наврали мы еще тамъ на счетъ устава. «Что съ васъ возьмешь?» Говорить начальникъ штаба... Тѣмъ все и кончилось.

Марія Николаевна не въ первый разъ слышала экзаменаціонныя воспоминанія, но не подавала виду, что ей это все извѣстно.

— Экзаменъ, дѣйствительно, былъ небольшой, послѣ короткой паузы пробормоталъ Кондратій Ивановичъ Копьевъ.

— Слушай? Помнишь?... Тарасъ Петровичъ раскатился веселымъ смѣхомъ и долго не могъ произнести ни слова. Фу, чортъ!.. до слезъ разсмѣшилъ... Помнишь, какъ мы тогда представленіе въ прапорщики справляли. Капиталу у насъ было всего на двоихъ три рубля. Ходили, ходили по Ставрополю, думали спрыснуть, трактирчикъ подыскивали. Да жидъ-шапочникъ видѣлъ, какъ мы на его товаръ рты разинули, затащилъ въ лавку и сбурилъ намъ по офицерскому кэпи, новость тогда была. Положили мы обновки въ ранецъ, захватили хлѣбца, и назадъ въ отрядъ на своихъ, на двоихъ.

За то въ отрядѣ ни у кого, кромѣ насъ, кэпи не было. Самъ Гейманъ вызывалъ посмотреть. Нашлепки, говорить, выдумали. Хорошій генералъ былъ...

— Такъ думаешь не начинать дѣла. Очень ужъ на сердцѣ у меня сумно. Положимъ, нашъ полкъ останется дома, а если двинуть, такъ я простымъ охотникомъ, хоть отставнымъ, а пойду— не отстану отъ своихъ.

Кондратій Ивановичъ возвращался домой не удовлетворенный. Грустныя мысли тѣснились въ его сѣдой головѣ. Щемило сердце отъ оскорбленія, нанесеннаго японцами Россіи, беспокоило его также и собственное семейное дѣло.

Въ уютной комнатѣ у Насыпайки, глядя на жизнерадостное, смѣющееся лицо стараго сослуживца-пріятеля, въ присутствіи добройшей симпатичной Маріи Николаевны, въ семейномъ теплѣ у него отлегло на сердцѣ. Но когда онъ вышелъ на просторъ набережной, взглянулъ на пѣнившееся море, увидѣлъ вдали качавшіяся безпомощно парусныя суда, ему вновь представилась страшная картина портъ-артурскаго нападенія. Вспомнилось, какъ давно-давно, юнкеромъ еще, глубокой ночью онъ услышалъ выстрѣлы, поспѣшную дробь барабана, какъ съ просонья не могъ найти платья, какъ вмѣстѣ съ другими выскочилъ изъ палатки и полетѣлъ къ сборному мѣсту. То была его первая боевая тревога. Пользуясь ненастьемъ, безпечностью охраненія и утомленіемъ на-

шихъ войскъ, возвращавшихся изъ экспедиціи, подкрались къ головной ротѣ шапсуги и вырѣзали почти всю. Съ тѣхъ поръ слово «вырѣзали» особенно ярко запечатлѣлось у него въ мозгу. Остались у него въ памяти нѣсколько захваченныхъ въ плѣнъ черкесовъ-шапсуговъ, оборванныхъ, въ низкихъ папахъ изъ косматого длиннаго курпея, съ худыми, ястребиными лицами. Подъ конвоемъ, со скрученными назадъ руками вели ихъ на ставку начальника отряда, гдѣ ихъ ждалъ судъ и скорая расправа... Они спокойно, гортанными звуками, перебрасывались между собой короткими фразами, гордо и злобно поглядывая на солдатъ.

И теперь старому подполковнику представлялись японцы такими же черкесами, хотя онъ и зналъ твердо, что они желтолицые и косоглазые... «Ишь оборванцы! вырѣзали. Подождите, высыпять вамъ горячихъ...» Однако, успокоеніе не приходило, камень продолжалъ давить на душу.

Была еще забота. Семейная исторія. Нѣсколько дней назадъ, Копьевъ получилъ письмо отъ сына. Собственно сыномъ онъ его не признавалъ, такъ какъ разошелся съ женой почти за годъ до его рожденія.

Молодымъ застѣнчивымъ офицеромъ онъ влюбился въ гувернантку командира полка. Млѣлъ и вздыхалъ, не смѣя открыться предмету своей страсти. Товарищи повѣдали только что выпущенной изъ института сироткѣ, Минѣ Ивановнѣ, объ ея успѣхѣ. Устроилось знакомство съ дикаремъ, а тамъ вскорѣ, какъ то неожиданно для Кондратія Ивановича, онъ стоялъ уже подъ вѣнцомъ, рука объ руку съ хорошенькой блондинкой, нѣжно поглядывавшей на стройнаго, смуглаго, красиваго жениха.

Въ Кавказской захолустной штабъ-квартирѣ, гдѣ всѣ жили на одно жалованье, гдѣ всѣ были одинаково мало-матеріально обеспечены, офицерскія семьи не замѣчали сѣраго колорита своей незамысловатой жизни.

При помощи заработка жены, продолжавшей давать уроки, Копьевы жили по мѣстному не дурно, не нуждались. Но уши влюбленный Кондратій Ивановичъ, подъ вліяніемъ Мины Ивановны бывалъ въ гостяхъ, учился танцовать и даже началъ зубрить французскіе глаголы. Женѣ захотѣлось сдѣлать изъ мужа свѣтскаго человѣка. Называла она его Конрадомъ.

Оставайся Кондратій Ивановичъ былымъ дикаремъ, пожалуйі семейныя дѣла его устроились-бы лучше. Ему выросшему до шестнадцати лѣтъ сиротой въ деревенской глуши, въ разоренной

усадьбѣ захудалаго помѣщика — дяди, а потомъ десять лѣтъ, изо дня въ день, маршировавшему по горамъ и дебрямъ Кавказскимъ, трудно было навести на себя паркетный лоскъ.

Неловкость, мѣшковатость вначалѣ забавляли Миню Ивановну. Она до упаду смѣялась надъ его французскимъ выговоромъ, надъ его медвѣжьими па, но потомъ, когда первый любовный пылъ остылъ, ее стала шокировать мужиковатость мужа.

У нихъ родился ребенокъ. Кондратію Ивановичу хотѣлось въ честь дѣда, боевого офицера двѣнадцатаго года, назвать его Спиридономъ, но жена ни за что не согласилась. «Довольно и Кондратія!» Иронически замѣтила она. Окрестили сына Евгеніемъ. Отецъ и мать души не чаяли въ ребенкѣ, который ихъ снова тѣсно сблизилъ. Но недолго пришлось любоваться первенцемъ. Дифтеритъ унесъ счастье въ три дня.

Къ этому времени подоспѣлъ походъ въ Среднюю Азію, въ Хиву. Пришлось надолго разстаться съ женой. Все еще влюбленный Кондратій Ивановичъ бодро отправился въ экспедицію.

Первое письмо онъ получилъ только черезъ три—четыре мѣсяца послѣ выступленія въ походъ. Почтовое сообщеніе налаживалось плохо. Жена писала о недомоганіи, о необходимости посоветоваться со специалистомъ врачомъ. Влюбленному мужу страстно хотѣлось полетѣть къ женѣ, но служебный долгъ заставлялъ сидѣть за тысячу верстъ, въ знойныхъ пескахъ, въ безводной среднеазиатской пустынѣ и караулить, какъ говорили солдаты, вѣтеръ въ полѣ.

Кондратій Ивановичъ собралъ что могъ, взялъ впередъ жалованье, продалъ выдержавшаго жажду и голодъ катера (мулла) съ выюкомъ, и деньги отослалъ женѣ на дорогу въ Харьковъ, въ клинику. Оставилъ себѣ лишь столько, что бы внести за треть впередъ за пакеты приварокъ. «Солдатской копѣйки, — святой, Боже упаси тронуть!» «Даромъ пользоваться изъ ротнаго котла — грѣшно». Таково было всегда убѣжденіе Копьева. Пришлось отказаться отъ табаку и отъ рюмки водки передъ обѣдомъ. Подобныя лишенія его не страшили, юнкерская школа «на правомъ флангѣ» безъ копѣйки денегъ изъ дома пріучила его къ выносливости. При томъ ему пріятно было хотя немного пострадать для милой Миночки. Онъ весь отдался службѣ и мечталъ о радостяхъ возвращенія домой.

Заложивъ руки за спину, мѣрнымъ, твердымъ шагомъ часами ходилъ Кондратій Ивановичъ за валомъ выстроеннаго на скорую

руку укрѣпленія. Подолгу онъ всматривался въ синеватую даль Каспійскаго моря, ждалъ и ждалъ. Ему грезилось, что вотъ-вотъ на горизонтѣ покажется легкій дымокъ, затѣмъ вынырнетъ и пароходъ, а на палубѣ машетъ платкомъ веселая, красивая Мина... «Вѣдь собственно экспедиція уже окончена, стоитъ отрядъ лишь гарнизономъ, отчего-бы прямо изъ Харькова и не пріѣхать?» Носились у него въ головѣ пожеланія, несбыточность которыхъ онъ самъ признавалъ.

Утомленный, возвращался онъ въ свою мазанку и не ложился въ постель, пока не исписывалъ нѣсколько страницъ «для самообразованія», какъ давно условились они съ Миной. Копьевъ чувствовалъ необходимость расширенія своего кругозора, но ему, никогда не проходившему никакого школьнаго курса, тяжело давалась наука. Однако онъ старался изъ всѣхъ силъ выполнить обѣщаніе, данное женѣ.

Письма отъ жены приходили очень рѣдко. Это и не удивляло мужа, такъ какъ для отправки корреспонденціи надо было ждать особой оказіи. Наконецъ, давно желанное событіе свершилось. Кондратій Ивановичъ вернулся въ штабъ-квартиру. Здѣсь его ждалъ страшный ударъ. Онъ нашелъ письмо, въ которомъ жена выкладывала передъ нимъ все ею пережитое въ послѣднее время. Она подчеркивала полное несходство ихъ характеровъ и вкусовъ. Высказывала уваженіе къ нему и нежеланіе его обманывать, прятаться за его спиной. Она уѣхала и предоставляла ему полную свободу.

Кондратій Ивановичъ взялъ отпускъ, первый и послѣдній въ его служебной жизни, и полетѣлъ вслѣдъ за бѣглянкой въ Харьковъ. Что тамъ произошло, въ точности никто изъ товарищей не знаетъ. Говорили, будто Копьевъ дрался на дуэли съ бывшимъ младшимъ полковымъ врачомъ Гилерсеномъ, уѣхавшимъ одновременно съ Миной Ивановной. Говорили, будто у Копьевой родился ребенокъ.

Кондратій Ивановичъ вернулся въ штабъ-квартиру посѣдѣвшій, осунувшійся. Никто отъ него не слышалъ ни слова о женѣ. Даже ближайшій его пріятель, Тарасъ Петровичъ, несмотря на свою общительность, не рѣшался спросить товарища о семейной драмѣ. Сосредоточенный, насупленный, несчастный мужъ сталъ замѣтно богомоленъ и склоненъ къ чтенію религіозныхъ книгъ. Тарасъ поймалъ его какъ-то въ палаткѣ за перепиской житія святыхъ. Въ полку рѣшили—Копьевъ пойдетъ въ монастырь. Но вмѣ-

сто монастыря пришлось двинуться въ походъ противъ турокъ. Кондратій Ивановичъ отличился, получилъ офицерскій георгіевскій крестъ. Война помогла ему нравственно оправиться, ободриться. Копьевъ какъ будто освободился отъ угнетающаго пресса, но не пересталъ сторониться товарищескихъ собраній, не игралъ въ карты: По общему мнѣнію — онъ сталъ скопидомомъ, ударился въ скупость. Подсмѣивались товарищи, да и начальство стало косо поглядывать на нелюдимаго, скупого, хотя и чрезвычайно исполнительнаго офицера.

Но Копьеву трудно было роскошествовать. Послѣ разрыва съ женой онъ все таки считалъ необходимымъ матеріально поддерживать ее: «вѣдь она — какъ никакъ жена. Гилерсенъ такой негодяй... Если она дѣйствительно не захочетъ, какъ говорила мнѣ, принимать денегъ, то вернуть обратно». Такъ думалъ онъ и высылалъ ровно половину своего ничтожнаго содержанія.

Въ небольшомъ городкѣ скоро бы узнали объ этомъ, но Кондратій Ивановичъ предусмотрѣлъ почтовую болтливость. Въ Харьковѣ онъ встрѣтилъ своего стараго деньщика, служившаго швейцаромъ въ одномъ изъ мѣстныхъ банковъ. Черезъ посредство его и пересылалъ онъ деньги женѣ. Такъ какъ на адресѣ значился банкъ, то штабъ-квартирная молва скоро закрѣпила за Кондратіемъ Ивановичемъ званіе капиталиста. Вначалѣ, когда онъ еще не командовалъ «на законномъ основаніи» ротой, ему изъ его половины, за вычетомъ разныхъ обязательныхъ полковыхъ расходовъ, оставалось рублей двадцать, изъ которыхъ значительная часть шла на поддержаніе въ порядкѣ обмундированія, а Копьевъ былъ того убѣжденія, что «офицеръ долженъ одѣваться чистенько».

Въ эти денежные рамки вложилъ свою матеріальную жизнь поручикъ Копьевъ, сжился съ спартанской обстановкой, съ рогатымъ котломъ, съ безусловнымъ отказомъ отъ какихъ либо самыхъ незначительныхъ прихотей. Онъ удивлялся расточительности товарищей, забиравшихъ на книжку у маркитанта разную бакалею, консервы, вино...

При повышеніи содержанія Копьевъ сохранилъ установившійся бюджетъ. Получившійся остатокъ онъ также пересылалъ своему финансовому агенту, швейцару, для вклада уже дѣйствительно въ банкъ. У Копьева созрѣло желаніе составить капиталъ для осуществленія мысли, которую онъ облюбовалъ, когда работалъ надъ самообразованіемъ въ среднеазиатской пустынь.

Институтка жена успѣла вселить въ него убѣжденіе, что безъ иностранныхъ языковъ и человѣкъ—не человѣкъ. Онъ принялся было усердно зубрить учебники Margot и Masson, сначала подъ руководствомъ жены, а потомъ и самостоятельно. Но въ его возрастѣ, безъ всякой подготовки, по мертвымъ книгамъ трудно было добиться чего либо. Копьевъ исписалъ горы тетрадей. Товарищи, не знавшіе о его занятіяхъ языками, рѣшили, что Копьевъ ожидалъ совсѣмъ, отъ скудости—уставы переписываетъ. Жадничаетъ, рассказывали о Копьевѣ, купить печатный экземпляръ.

По часамъ бѣдный офицеръ дудилъ глаголы и старался связывать фразы. По вечерамъ онъ уходилъ за ограду штабъ-квартиры и тамъ на свободѣ средне-азиатской степи, громко произносилъ французскія и нѣмецкія басни и стихи.

Единственный разъ онъ рѣшился попробовать свои знанія языковъ на дѣлѣ. Возвращаясь изъ Средней Азіи, пришлось остановиться въ Баку. Копьевъ отправился въ кондитерскую за конфетами для жены, тщательно подготовивъ и прорепетировавъ французскія фразы въ глуши, на Банловомъ мысу. Когда однако пришлось ему произнести слова несложнаго заказа, то онъ забормоталъ нѣчто неподобное, а на вопросъ удивленія продавщицы «Plait-il, monsieur?» махнулъ рукой и мгновенно скрылся за дверьми. За конфетами пришлось посылать деньщика.

Единственный опытъ примѣненія на практикѣ своихъ учебныхъ познаній произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе. Это печальное открытіе почти совпало съ семейной драмой. Копьевъ прекратилъ занятія по изученію языковъ. Однако міровоззрѣнія въ области образованія, создавшіяся подъ вліяніемъ жены-гувернантки, оставалось прежнимъ. Для того чтобы переступить порогъ въ какой-то свѣтлый міръ, ему казалось безусловно необходимымъ «хорошенько пройти французскій и нѣмецкій языки», а тамъ послѣ и за другое нетрудно приняться. Въ полку отъ молодыхъ офицеровъ, выпущенныхъ изъ военныхъ училищъ, онъ слышалъ о самоучителѣ Олендорфа. «Вотъ чего мнѣ не доставало!» рѣшилъ Копьевъ.

Бѣдняга придумывалъ различные способы, желая списать заглавіе самоучителя и узнать, откуда его выписать. Такъ и не придумалъ ничего лучшаго, какъ написать письмо харьковскому швейцару, прося его отыскать иностранный самоучитель. Черезъ двѣ недѣли Олендорфъ уже былъ на столѣ у Копьева, и снова начались учебныя истязанія.

Кондратій Ивановичъ былъ лишенъ лингвистическихъ способностей. Въ изнеможеніи онъ бросалъ занятія, затѣмъ снова запирался и зубрилъ, пока наконецъ вовсе не отказался отъ бесплодной работы, на которую ушло нѣсколько лѣтъ. «Въ дѣтствѣ надо было начинать, потеряннаго не вернешь ничѣмъ», рѣшилъ Копьевъ.

Въ бесѣдѣ съ семейными офицерами онъ убѣждалъ ихъ обращать вниманіе на изученіе дѣтскими иностранными языками, но въ отвѣтъ получалась всегдашняя жалоба на недостатки, «тутъ на сапоги не хватаетъ, не то что на гувернантокъ»... У Копьева зародилось желаніе подарить полку капиталъ, на проценты съ котораго можно было бы приглашать годовую учительницу иностранку и устроить полковой дѣтскій садъ.

Свой планъ онъ держалъ въ строжайшемъ секретѣ.

Однако долго ему пришлось ждать осуществленія этой мечты. Первая тысяча рублей скопилась лишь въ концѣ четвертаго года. Потомъ приращеніе капитала пошло быстрѣе въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ жена его умерла и самъ онъ вышелъ въ отставку. Не приходилось уже больше посылать ей пособія, не приходилось и тратиться на обязательные полковые расходы и поддержаніе обмундированія.

Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ получалъ Кондратій Ивановичъ хорошо ему извѣстные большіе сѣрые банковскіе пакеты. Любовно расправлялъ вкладныя свидѣтельства, любовался ими и бережно укладывалъ въ особый ящикъ, хранившійся на днѣ оконнаго желѣзомъ сундучка, со слѣдами нарисованныхъ малярной кистью затѣйливыхъ цвѣтовъ. Замокъ звонко щелкалъ, и звукъ этотъ, вмѣстѣ съ запахомъ камфары и ладона напоминалъ Копьеву его дѣтство въ дядиной усадьбѣ. Сундучекъ съ наклеенными внутри божественными картинками, подарокъ старой няни при проводахъ на службу, Кондратій Ивановичъ хранилъ, какъ зѣницу ока съ молодыхъ лѣтъ, не бралъ въ походъ, оставлялъ на храненіе въ казначейской кладовой.

Сумма, необходимая по его расчетамъ для задуманной цѣли, уже накопилась; но ему было больно разстаться съ банковскими свидѣтельствами, и, онъ не признавался себѣ въ истинной причинѣ, подъ разными предлогами откладывалъ рѣшительный шагъ.

На дняхъ пришло первое письмо отъ сына его жены. Онъ просилъ денежной помощи. «Я не претендую на имя Вашего сына, писалъ онъ ему, мать не скрывала отъ меня ничего; но я все таки

Вамъ не чужой. Смѣло пишу эти слова, такъ какъ мой единственный братъ—Вашъ родной сынъ, Евгенийъ, умершій младенцемъ. Во имя этого дорогого намъ обоимъ существа и помогите его брату и его племяннику—моему сыну, наслѣднику Вашего имени».

Никогда прежде въ голову не приходила мысль о подобномъ родствѣ своемъ съ сыномъ жены, прижитымъ отъ другого. Сначала онъ ненавидѣлъ ее, а потомъ сталъ забывать о ея существованіи. И вотъ теперь такое напоминаніе...

Тревога по поводу пораженія русскаго флота какъ то странно смѣшивалась съ опасеніями за цѣлость своего капитала. Ночью старому подполковнику снилось, что въ его комнату забрались разбойники въ черкесахъ и папахахъ съ большими надписями на груди «внезапное нападеніе японцевъ»! Точь точь, какъ въ той телеграмѣ, которую онъ сегодня читалъ съ Тимофеемъ Петровичемъ. Впереди японцевъ шелъ прямо къ сундуку сынъ его жены съ алчными глазами доктора Гилерсена и кричалъ: «вотъ мое наслѣдство! вотъ наслѣдство Копьева»...

II.

Кавказскій базаръ.—Клубъ на скамейкѣ.—Воспоминанія инвалидовъ.

Кутанская базарная площадь уставлена была мѣстными двухколесными арбами, запряженными бойкими мелкими горскими бычками или меланхоличными буйволами, покрытыми попонами. То тамъ, то здѣсь виднѣлось сѣно, но главный грузъ на подводахъ составляли корявые дрова, похожія больше на хворость, чѣмъ на полѣнья. Груды связаннаго въ длинные пучки чеснока и луку лежали на голой мостовой.

Среди подводъ ловко протискивались верховые. Гарцевалъ маленькій гимназистикъ, то пригинаясь къ сѣдлу, то приподнимаясь на ремняхъ, такъ какъ ноги его не доставали до стремянъ. Подлѣ кузницы ковали двухъ бычковъ, барахтавшихся на землѣ въ деревянныхъ рамахъ-тискахъ.

У низенькихъ лавочекъ, похожихъ на норы, среди самаго незамысловатаго товара важно сидѣли Персы съ красными бородами и грѣли на мангалахъ накрашенные руки. Маленькіе ослики, ишаки, обвѣшанные кошелками съ яйцами, съ красными грубоватыми на видъ яблоками, съ грецкими орѣхами, съ углемъ и разнымъ другимъ горскимъ добромъ пробирались по площади. Народъ особенно густился подлѣ товара оружейниковъ, шалочниковъ и скорняковъ, да подлѣ лошадей. Съ интересомъ любовались какъ произведеніями

своихъ мастеровъ, изрѣдка перекидываясь гортанными звуками, такъ и наѣздниками.

Не слышно было зазываній продавцевъ. Они молча поглядывали на рѣдкихъ покупателей. Среди косматыхъ папахъ и длинныхъ нагольныхъ тулуповъ съ большими курпейными воротниками, мелькали изрѣдка фуражки, котелки и дамскія шляпы.

— Слышь! ты, добрый человекъ, отдавай сѣно за четыре монеты и три абаза, уговаривалъ чей-то денщикъ продавца, который точно и не слышалъ, молчаливо поглядывая на базарную сутолку.

— Тоже народъ! Четыре монетъ и три абаза! И солдатъ выразительно, пальцами указывалъ горцу счетъ, но тотъ уперся и молчалъ.

Какой то уѣзжающій изъ города или окончательно разорившійся старичекъ вывалилъ на мостовую всю свою хурду-мурду, дешевенькую мебель и кой какую посуду, самоваръ, носильное платье, двѣ драпировки, олеографіи въ грошовыхъ рамкахъ. «Весь тутъ», говорилъ онъ окружающимъ. Незатѣйливое имущество привлекло вниманіе неизбалованныхъ горцевъ. Вещи ходко раскупались.

— «Гой, гой! Ну и гуси! Очень—очень, мнѣ нравятся», любовался старый Насышайко птицей, выставленной на продажу русскими поселенцами. Ты, братъ, Кондратій, такихъ никогда и не бачилъ. А утки еще лучше. Это не иначе какъ пензенскія, тамъ говорятъ птица—во какая! Не наша здѣшняя, не воробьиной породы.

— Я и самъ пензенскій.

— Ахъ какъ ловко вышло. Вотъ и будемъ знать, что ты за гусь... А Бей-Оглы! Еще живъ?

— Бабаямъ (старикамъ) до могилы дорога ближе, говорятъ у насъ въ аулѣ, отвѣтилъ на привѣтствія Гамзатъ-бекъ, стройный брюнеть въ ловко сшитой черной черкескѣ съ университетскимъ значкомъ на груди.

— Это прежде такъ было, а теперь, братъ, молодые спѣшать и на кладбище впередъ. Завидно стало. Ну, пусть ваканцію занимаютъ, мы съ Кондратіемъ Ивановичемъ, такъ и быть подождемъ, балагурилъ Насышайко. Вниманіе его въ это время привлекла темногнѣдая лошадь.

— Конекъ не дурень. И старикъ, не обращая вниманія на незнакомаго всадника, открылъ ротъ лошади, посмотрѣлъ въ зубы,

обошелъ со всѣхъ сторонъ, похлопаль по крупу, подергалъ за подрѣзанный хвостъ.

— Куцыхъ стали теперь дѣлать. Не люблю я этого, овода нечѣмъ отмахнуть. То ли дѣло хвостъ настоящій.

— Какъ усы Ваши? Нѣтъ батенька, стара пѣсня, теперь пошла новая линія. Вѣдь это полукровка, за нее всѣ пятьсотъ монеть взять можно. Какого я производителя себѣ добылъ въ коннозаводствѣ, Юфь! юфь!..

— Сколько Гамзатъ заплатилъ?

— Какъ заплатилъ! Ничего не заплатилъ. Мнѣ даютъ его даромъ на поддержаніе для моего табуна. Я еще получаю за любезности производителя съ аульными матками.

— Ну и комерція! Вотъ изобрѣлъ торговлю... Молодчина же ты. А я все таки не промѣнялъ бы на твоего куцаго своего Ваську. Помнишь его Кондратій? Даль я за него пятьдесятъ монеть въ Нальчикѣ на базарѣ, да въ придачу бѣду, бричку тоже двухколесную: полковой кузнецъ мнѣ за красенькую на шабашъ сдѣлалъ. Бывало какъ сядешь на Ваську, какъ затропотитъ онъ ходой, куда твой иноходецъ. Въ день сто версъ, ни по чемъ. А на куцей далеко развѣ уѣдешь? На первыхъ верстахъ она на небо залетитъ, а тамъ и сдасть. Да еще за ней ухаживай, въ конюшню поставь, да овсомъ, не ячменемъ, накорми. Не про насъ эти лошади

— Однако на стоверстныхъ скачкахъ всѣ ваши Васьки кабардинскіе и донскіе сошли съ круга, оскандалились. Пришли только кровныя лошади.

— Извѣстное дѣло—мошенничаютъ жокеи, убѣжденно отвѣтилъ Насыпайко.

— Тарасъ Петровичъ! Вѣдь это просто умирать приходится. И какъ только управа городская позволяетъ такой разбой. Вѣдь приступу къ провизіи нѣтъ. За курицу семьдесятъ копѣекъ требуетъ. Да я въ Петербургѣ жила, такихъ денегъ не платила, жаловалась приличная старушка въ черномъ платьѣ, старомодной скромной шляпѣ, съ корзиной въ рукахъ.—Мнѣ вѣдь для больной, не для себя.

— Ахъ, мошенники! Таксу вѣдь мы въ думѣ выработали. Находишь, что малы цѣны назначены—не вези на базаръ. Нужно старосту за бока. Дай, я самъ пойду. Кто спрашивалъ семьдесятъ пять? Вотъ я его шугану сейчасъ.

— Тарасъ Петровичъ, вѣдь гласные не имѣютъ распорядительныхъ правъ, смѣясь удерживалъ старика Гамзатъ-бекъ.

— Толкуй тамъ о правахъ, юристь—ученый.

И вскорѣ повышенный голосъ возмущеннаго гласнаго, раздался подлѣ дорожащагося товаромъ продавца. Въ маленькомъ городѣ всѣ знали добраго, хлопотавшаго о мѣстныхъ нуждахъ старика, зналъ его конечно и торговецъ и терпѣливо выслупалъ нотацию.

— Сдѣлай милость, бери какой хочешь, бери мамынка за полтинникъ. На! твоя птица, подаль онъ старушкѣ пестренькую курицу.

— Порядки Тарась Бульба наводитъ. Такъ ихъ! Такъ! весело привѣтствовалъ Тараса Петровича Зейдлицъ, полный человекъ съ болѣзненнымъ лицомъ. Сколько разъ я говорю, отчего вы не баллотировуетесь въ городскіе головы. Вѣдь право прошли-бы. Многое бы сдѣлали и все таки жалованья тысячи три вѣроятно не лишнія.

— Какъ-же! Стану я чернилами пачкаться. Въ управѣ еле успѣваютъ отписываться. Все бумага, да бумага. Табуретная кавалерія!.. Пожалуйте вотъ на базаръ, наведите здѣсь порядки, да хоть языкомъ вылизите мнѣ улицы, а то срамота. Жалованье? городского жалованья мнѣ не надо. Общественныя деньги въ горлѣ застрянуть, тогда ужъ помалкивай.

— Господа, вонъ архитекторъ поджидаетъ насъ въ клубѣ, указалъ Гамзатъ-Бекъ на сидѣвшаго подлѣ магазина краснаго товара кругленькаго человекъ, махавшаго имъ фуражкой.

Всѣ четверо направились къ зеленой скамьѣ, носившей наименованіе утренняго клуба.

— Я говорилъ, что безъ нашихъ не обойдется. Такъ и вышло. Читайте. Чортъ знаетъ что... Тутъ война, а они индюковъ и куръ разсматриваютъ. Въ передовомъ отрядѣ нашъ кавказскій Мищенко.

— Александръ Ивановичъ или Павелъ Ивановичъ? Оба вѣдь молодцы, георгіевскіе кавалеры.

— Старшій, Павелъ Ивановичъ. Онъ забрался за Ялу, туда въ самую глубь Кореи.

— Мы съ нимъ Хиву брали, коротко замѣтилъ Кондратій Ивановичъ.

— Вотъ бы вамъ теперь вмѣстѣ съ нимъ въ Корею, Кондратій Ивановичъ. Тряхните стариной, приставалъ къ подполковнику архитекторъ.

— Тарась увѣряетъ — будто я уже только въ ломъ и гожусь. А самъ себѣ думаю, не подгажу, ей Богу не подгажу, точно оправдывался Копьевъ.

— Какъ въ Хиву шли, Мищенко еще былъ прапоршикомъ или подпоручикомъ, совсѣмъ молоденькій, сталъ вспоминать ста-

рину Тарасъ Петровичъ. Жарища страшная была, на томъ свѣтѣ въ такое пекло архитекторовъ засадятъ. Вотъ увидишь Артемій Артемьевичъ, пожаришься тамъ на вертелѣ... Идемъ, ноги волочимъ, вокругъ пустыня аравійская, ни тебѣ травинки, ни ручейга, ни деревца. Съѣсть на лошадь неудобно передъ солдатами, да и нагрузилъ ее бурдюками съ водой для роты же. И— И! случилось у меня разъ исторія... Старался я роту въ порядкѣ держать, подгонялъ отсталыхъ, чтобы не растягивались, а то живо растаетъ взводъ, другой. Дѣло мнѣ извѣстное. Отсталый и заблудиться можетъ, да и хивинецъ не побрезгуетъ... Лаврушкинъ, былъ такой сапожникъ, лодарь на службѣ. Ваше бл-діе, говоритъ, силъ моихъ нѣтъ итить дальше. Ахъ чтобы тебѣ! Давай мнѣ ружье. Пошли. Ваше бл-діе, силъ нѣтъ итить. Давай, говорю, ранецъ. Взвалилъ себѣ на плечи. Пошли. Онъ въ третій разъ. Плачетъ. Что-жъ ты говорю, можетъ быть, на плечи хочешь мнѣ съѣсть? Да и пригнулся, для примѣру. А онъ, каково шельма! подходитъ это садиться.. Какъ?! спрашиваю. Ты ротнаго осѣдлатъ хочешь?! Не люблю я драться, ну тутъ не стерпѣлъ, далъ ему раза... «Надѣвай ранецъ! бери ружье! и впередъ передъ ротой, если не хочешь быть подъ судомъ»... Какъ встрепанный. Весь походъ шель молодцомъ. Вотъ какой лодарь... Ну, и рота въ порядкѣ пришла. Начальникъ отряда Ломакинъ благодарилъ. Съ нами и Скобелевъ тогда шель. Тоже молодой былъ, подполковникъ должно быть, такъ не больше. Дружбу онъ велъ съ Тарасомъ Петровичемъ, ну и я съ нимъ, ничего, однимъ словомъ по офицерски, по товарищески. Потомъ приходилось слышать, будто онъ въ походахъ съ шампанскимъ, да съ трюфелями ѣздилъ, не знаю, не видѣлъ, тогда и отъ нашихъ сухарей не отказывался.

— Да вы же о Мищенко хотѣли рассказать, перебилъ Тараса Петровича архитекторъ.

— Не мѣшайте, почти грубо оборвалъ его Зейдлицъ. Пожалуйста Тарасъ Петровичъ продолжайте. Люблю я старину. Теперь что,— труха...

— Артемію Артеміевичу вѣдь все не терпится, онъ вѣдь и сидитъ на скамѣ точно на шилѣ. Священникъ армянскій мнѣ жаловался: какъ посмотрю, говоритъ, въ церкви на Вартанова, такъ и затороплюсь, точно ему приспичило куда, на постройку бѣжать или въ другое мѣсто... Право.

— Ну, и выдумываетъ-же Тарасъ Петровичъ, нездорово замѣтилъ архитекторъ.

— Былъ съ нами въ отрядѣ одинъ еще петербургскій штабной, милый такой, симпатичный, обходительный, звали мы его профессоромъ. Онъ такъ потомъ въ профессора и вышелъ. Вотъ профессоръ этотъ отъ солдатской пищи сначала отворачивался, катаръ будто у него. Ну, голодъ извѣстно не тетка, на сухояденьи не проживешь долго, а борщомъ изъ ротной кухни по полю разность, такъ носъ и дразнить, мое почтеніе. Не стерпѣлъ голубчикъ, попросилъ меня за пробой послать. Присылаютъ сказать, что люди уже пообѣдали. Ахъ, ты!.. Поскребите хоть тарелку, приказываю. Хорошо. Приносить солдатикъ щербатую тарелку борща и ложку деревянную. А хлѣбъ? спрашиваетъ. Точно такъ, отвѣчаетъ, досталъ. Подлѣзъ это рукой въ карманъ, вынулъ пригоршню сухарей—да хлопъ ихъ въ тарелку, въ борщъ. Нашъ профессоръ такъ и затрясся... Однако съѣлъ, все до капельки съѣлъ..

— Моя правда, не дойдетъ Тарасъ Петровичъ до Мищенки, завертѣлся вновь Вартановъ.

— Экъ, шило, какъ подкалываетъ. Умный—ты человекъ. Былъ тогда онъ прапорщикомъ, совѣмъ юноша, фотографіи съ него я не снималъ, помню хорошо, что съ ракетной командой по сыпучимъ, горячимъ пескамъ, шелъ, не отставалъ. Однимъ словомъ — форменный кавказскій офицеръ. Иначе какже. Отецъ его всю жизнь по горамъ подъ пулями проходилъ, дядя—генералъ весь Кавказъ зналъ. Вся семья боевая и самъ родился подъ пулями...

Да! вспомнилъ къ чему велъ разговоръ. Стояли у колодцевъ, дневку дѣлали. Пригласили мы съ Тарасомъ Петровичемъ обѣдать Павла Ивановича къ себѣ. Отлично. А нужно сказать, что уже мы объ офицерскихъ даже биткахъ забыли. Маркитанскаго скота не хватало и на солдатскія порціи. Грѣшно было солдатскую артель обижать. Ну, съѣли мы борща. Вдругъ несутъ намъ превеликолѣпнѣйшій шашлыкъ. Смотрите господа! у Вартанова слюнки потекли... Какъ? Откуда шашлыкъ? «Наши, говоритъ деньщикъ, овцу отбившуюся у киргизовъ пригнали». Знаемъ мы, какъ овцы отъ стада отбиваются... ну, да на войнѣ, не въ гостиной, не расшаркиваются другъ передъ другомъ. Послѣ шашлыка, что-же вы думаете, къ кофе сливки свѣжія подаетъ деньщикъ. Мищенко такъ и ахнулъ—въ пустынь сливки... Въ родѣ какъ итичье молоко. «Вмѣстѣ съ овцой и козу, Усатисъ, Ваше благородіе, прихватилъ. Коза—дойная». Объяснилъ намъ деньщикъ. Тутъ Кондратій Ивановичъ раскинулся, понялъ, почему это ночью перестрѣлка въ дозорѣ завязалась. Да наказывать то нельзя было. Усатисъ лежалъ раненый.

Хорошій полячокъ былъ Усатисъ, охотникъ — другого такого не найдешь. Онъ мнѣ потомъ рассказывалъ, какъ на привалѣ слышалъ разговоръ ротнаго командира съ взводнымъ: «хорошо бы теперь кофейку со сливочками выпить». Вотъ ему и захотѣлось для командира разстараться.

— Теперь, палишь, въ Манчжуріи изъ за сливокъ ротному солдату не станеть рисковать жизнью. Самъ себѣ сливокъ потребуешь.

— Отчего, Гамзатъ-бекъ, вы такъ полагаете?

— Отчего? Да оттого, что вы, господа, старымъ числомъ живете, не знаете современной молодежи. Нынѣ и въ деревнѣ...

— Ну, мы не знаемъ, положимъ такъ. А откуда тебѣ, Оглы-бей, русскую деревню знать? спросилъ Тарасъ Петровичъ.

— Славу Богу, я грамотный, учился, читаю не только «Лабинскій листокъ», а кой что другое.

— Много ты изъ книгъ узнаешь. Держи карманъ шире.

— Эхъ, инвалиды—вы, инвалиды! Помните Тарасъ Петровичъ, какъ въ малороссійской опереткѣ распѣвали? «Спать жинка и не чуе». Вотъ и вы всѣ—спите, и не чуete... Инвалиды!

— Однако, бекъ, вы не особенно церемонитесь съ нами, надулся Зейдлицъ. Инвалиды?! Да я совсѣмъ не желаю быть инвалидомъ.

— Эхъ, Георгій Альбертовичъ, мало-ли что люди не хотятъ... Вотъ я хочу быть персидскимъ сатрапомъ, имѣть право жизни и смерти надъ вами всѣми, а между тѣмъ, на дѣлѣ всего титулярный совѣтникъ, сверхштатный чиновникъ, да на придачу въ вашемъ представленіи—«татарва».

— Что-же я татарву люблю, и тебя Оглы-бей люблю не меньше Георгія Альбертовича. Ей-Богу! Да, пожалуй и Вартанова люблю. Не вѣришь Артемій Артемьевичъ?

— Вѣрьте. Клянусь Богомъ, правду говорить. У насъ Тарасъ Петровичъ представитель вѣротерпимости не на словахъ, на дѣлѣ... Какъ же! Въ своей церковной школѣ допустилъ не только армянъ, но и евреевъ, и татаръ. А школа самая разцерковная, потому изъ старой церкви приспособлена. А все-таки, нѣтъ-нѣтъ, досада у него и срывается искреннимъ словечкомъ: «армяшка», «жидова», «татарва гололобая», неожиданно закончилъ Гамзатъ-бекъ не то добродушно, не то иронически.

— И не отказываюсь... Ей Богу правда! Тарасъ Петровичъ раскатился пронзительнымъ хохотомъ. Глаза совсѣмъ обратились

въ щелку, беззубый ротъ смѣшно раскрылся, и усы заходили ходуномъ.

— Въдь правду, юристь ученый, примѣтилъ. Ну, и мошенникъ же народъ!

— Славные прежде солдатики были, какъ-то нынѣшніе... задумчиво проговорилъ Копьевъ.

За послѣднее время подполковникъ замѣтно похудѣлъ, осунулся.

— Я такъ думаю не подгадать и теперь.

— Только бы добраться до японцевъ. Живо бы ихъ раздѣляли. А то они, мошенники, будутъ себѣ съ моря стрѣлять, на сушу не вылѣзутъ, поддерживалъ пріятеля старый однополчанинъ.

— Вотъ, какъ генералы? Если бы живы были Скобелевъ, Гейманъ, Лазаревъ, Радецкій. Эти не подгадали бы. А то пошелъ все новый народъ, не знаю ихъ.

— Экъ куда хватили. Вашимъ генераламъ теперь бы по сто лѣтъ было.

— Скобелевъ моложе меня былъ.

— Куропаткина главнокомандующимъ назначаютъ.

— Куропаткина? Правда? Вотъ это отлично. Боевой!

— Скобелевскій. Два георгія. Молодчина.

— Нѣтъ, правда? Куропаткинъ?

— Не познакомился съ нимъ, не привелъ Богъ побывать подъ Геокъ-Тепе, грустно вспомнилъ старину Копьевъ. Скобелевъ приглашалъ къ себѣ въ отрядъ, самъ письмо писалъ, вспоминалъ Хиву. Звалъ и Тараса Петровича, и меня. Не пришлось...

— Отчего же вы не поѣхали?

— Да вотъ, Тарасъ Петровичъ лежалъ въ госпиталѣ въ Пятигорскѣ, раны у него открылись, а тутъ товарищи стали посмѣиваться, будто я ординарцемъ поѣду, въ фазаны записался, по французски буду съ штабными говорить... А главное пошли слухи, что нашъ полкъ тоже выступитъ въ походъ. Ну, и остался ждать своихъ. Не судьба.

— Экая досада. горячо отозвался Зейдлицъ. Онъ бы васъ навѣрное выдвинулъ. Гайдаровъ-то подполковникомъ Георгія на шею тамъ получилъ, и вы бы навѣрное отличились.

— Впередъ загадывать трудно. Не судьба.

— Умная голова, отозвался Тарасъ Петровичъ. Судьба-то, разъ въ жизни, можетъ быть, шла тебѣ въ руки, а ты отказался. Думаешь, оцѣнили твою деликатность. Чорта съ два!.. Въ трусости

обвинить нельзя, такъ представьте вѣдь пустили молву, что Копей Ивановичъ изъ скупости не поѣхалъ, будто боялся, что прогоны ему не вернутъ. Выдумаютъ же...

На время всё примолкли. Про скупость Копьева ходили усиленные слухи по городу, и у собесѣдниковъ невольно закралась мысль о достовѣрности офицерскаго предположенія. Самъ подполковникъ какъ-то подобрался и постепенно густо покраснѣлъ.

— Отчего это васъ Копей Ивановичемъ называютъ? Не нашла другого вопроса Зейдлицъ, которому стало тяжело за боевого, симпатичнаго ему кавказскаго офицера.

— Гейманъ такъ окрестилъ.

— Ты расскажи толкомъ. Вѣдь Георгій Альбертовичъ не знаетъ.

— Да что рассказывать. Командировали меня въ—скій полкъ. Пріѣзжаю я въ молоканскомъ фургонѣ подъ Зивинь.

— Въ Турецкую кампанію? Спросилъ Вартановъ.

— Нѣтъ, въ Нѣмецкую... огрызнулся Насыпайко.

— Не мѣшайте, господа.

— Пріѣзжаю въ штабъ. Гдѣ полкъ, спрашиваю? А тамъ, говорятъ, въ дѣлѣ... Подождите, говорятъ, до завтрашняго утра, тогда отыщется. Развѣ можно такъ?! Я говорю—мнѣ нужно явиться командиру сейчасъ. Ищите, говорятъ, вѣтра въ полѣ. Подумаль-подумаль, никакъ нельзя оставаться, а тутъ ни подводы, ни лошади. Хоть плачь. Пошелъ себѣ потихоньку.

— У него шагъ извѣстный, пять верстъ въ часъ, идетъ, аршиномъ мѣрять—землемѣръ, перебилъ Тарасъ Петровичъ.

— Спасибо казачокъ кубанскій выручилъ. Подвезъ въ первую линію на заводной лошади, а тамъ снова пришлось пехтурой. Нашелъ полкъ. Спрашиваю, въ какую роту меня назначили? Какая тамъ рота. Тутъ и баталіона то не отличить, перемѣшались; — изъ другихъ полковъ цѣпь продвинулась тоже къ намъ. Осмотрѣлся. А турки какъ на грѣхъ тучей стали насѣдать. Офицеровъ убило много. Ну сталъ устраивать вокругъ себя кучки. Задержали мы неприятеля... А такъ что бы особенно, ничего не было.

— У него никогда, ничего особеннаго.

— Ну, вотъ, Гейманъ и вызываетъ черезъ нѣкоторое время. Зналъ онъ меня еще по охотничьей командѣ на правомъ флангѣ юнкеромъ. Увидаль, обрадовался, да и говорить:—«Спасибо старый кунакъ, Копей Ивановичъ». Хотѣлъ обласкать, да спуталь

фамилію съ именемъ. Ну, за нимъ и другіе Копей Ивановичемъ стали величать. Не для обиды же это...

Въ это время по базару проходила команда солдатъ; плохо одѣтыхъ, выглядывавшихъ михрютками, неповоротливыми парнями изъ захудалой деревни.

Зейдлицъ иронически на нихъ посмотрѣлъ.

— Нѣтъ теперь и въ поминѣ старыхъ кавказскихъ солдатъ, какъ зарисовалъ ихъ Горшельтъ. Знаете?—въ лохматой папахѣ, съ энергичными лицами, въ старенькомъ мундирчикѣ съ заплатами, въ синихъ нанковыхъ штанахъ...

— Вѣдь вы, въ гвардіи, кажется, въ молодости служили?

— Что же изъ этого. Старая кавказская армія — для меня идеаль. Сколько въ ней было поэзіи...

— И сколько воровства. Сколько возмутительныхъ насилій! вдругъ выпалилъ Гамзеть-бекъ.

— Либераль у насъ вышелъ Оглы-бей. Вотъ если-бы покойникъ старикъ твой отецъ услышалъ, онъ бы тебѣ задалъ перцу, не посмотрѣлъ бы, что ты титулярный... Эхъ, и зачѣмъ тебя отдали въ гимназію, а не въ корпусъ? Вышелъ бы изъ тебя бравый офицеръ а то не могу тебя представить во фракѣ и либераломъ, сокрушался Насыпайко.

— Теперь горцы, видимо избѣгаютъ офицерской карьеры. Имъ хочется побольше денежекъ набрать, тянутся въ инженеры путей сообщенія, въ горные, въ гражданскіе, небрежно замѣтилъ Вартановъ.

— А пока, сейчасъ, вы, армянинъ, на хлѣбномъ архитекторскомъ мѣстѣ, а я, горець, у себя на родинѣ сажу безъ жалованья сверхштатнымъ при судѣ чиновникомъ, задорно отвѣтилъ Гамзеть-бекъ.

— Та вы подеритесь господа! мы полюбуемся, а еще лучше пойдѣмъ по домамъ, объявилъ, поднимаясь Тарасъ Петровичъ. Всѣ распрощались, и клубъ закрылся до другого дня.

В. С. Кривенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

